

ƏDƏBİYYATŞÜNASLIQ

UOT 82-1

ИДЕАЛИЗАЦИЯ БАКУ В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ
ПОЭТОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

Р.Г.БАГИРОВ

Бакинский Государственный Университет
bagirov-ramiz@rambler.ru

В своей статье автор, анализируя стихи видных представителей русской поэзии П.Антокольского и М.Василенко, посвященные Баку, выявляет в них элементы поэтической идеализации. Эта идеализация подтверждает интерес и глубокое чувство любви вышеуказанных поэтов к городу Баку.

Ключевые слова: поэзия, Баку, городская тема, литературные связи, идеализация

Среди русских поэтов второй четверти XX века немало таких, кто мечтал со своей родины переехать жить в Баку. Эти поэты сами указывают на это желание, искренне обращаясь к своим современникам, словно упреждая потомков в том, что наш город располагает не только к ностальгии, но и к мыслям о будущем. Среди наиболее предприимчивых в данном отношении назовём Михаила Василенко и признанного корифея советской поэзии Павла Антокольского. Оба они в одноименных стихотворениях «Баку» ярко и образно продемонстрировали свой лозунг, гласящий «Живи не прошлым, а настоящим и будущим!». Необходимо отметить, что в 1930-1940-х годах в Баку особенно бурно кипела трудовая жизнь, причём не только в среде нефтяников, но и захватывала некоторые другие слои исконно азербайджанского и инонационального населения столицы. Вставали новые задачи перед государственными чиновниками республики, соответственно, видоизменялись и дополнялись темы художественной литературы – русской поэзии, в частности.

По этой причине «отчаянный волгарь» Михаил Василенко не хочет более писать «о песках, о чётках, о гаремах», потому что перед его взором стоят «стальные корпуса» и есть «ником не тронутые темы». Баку «бушует», пишет он, к 1930-ым годам город начинает жить самостоя-

тельной и полнокровной жизнью. Возможно, в некоторый ущерб политике и идеологии, но отнюдь не художественности или эстетике, русские поэты на страницах своих сочинений размышляют о том, как легче «задавить тоску-печаль» (Михаил Василенко). И приходят к выводу о приобщении к строительству новых объектов, потому что «... Нет второго // Города Баку // Ни в России, ни в Сибири дикой» [1,63].

В том же духе феерию «городу Огней» преподнёс П. Антокольский. В 1939 году он написал стихотворение «Баку», в котором, прежде всего, поведал часть собственной биографии. Оказывается, видный поэт-переводчик имел очень широкую географию передвижений («Я немало видал на веку»). И если Василенко упорно отстаивал звание «отчаянного волгара», то современная русская или национальная критика с полным основанием могла бы отнести П. Антокольского к «коренным Петербуржцам». Но выясняется, что «город на Неве» не столь привлекателен для него. Он сам об этом говорит:

Но мне нравится утро в Баку
И ночная подкова огней.
Я люблю этот жаркий, живой,
Жадный к жизни, отважный народ.
Вставший вахтой своей трудовой
В сердце бухты, у Волчьих Ворот [2,124].

Именно сегодняшний день в особенности привлекает поэта. Как Михаил Василенко оставляет вне поля зрения историю восточных гаремов, так и П.Антокольский считает, что «не о сказках их (литературных обработках азербайджанских писателей) пылкая речь // Не минувшее цель наших встреч». Та же идея, в сущности, сопровождает и последние два стихотворения П.Антокольского («Утро в Баку» и «Баку»), созданные им в 1950-ом году. В них он не столько описывает цель своего приезда в столицу Азербайджана, потому что об этом он подробно рассказал читателям в предыдущем сочинении, сколько обращается к потомкам по поводу обоснования своего нового пристанища. Город отныне (к середине XX века) связывает автора многочисленными нитями; он раскрепощается в творческом отношении.

Обращает на себя внимание использование намеренно внелитературного синтаксического строя следующих слов-сигнализаторов: в России «не-долюбил», «недодумал», «недоглядел», «не-довысказал». И сколько там на родине осталось «неконченных дел» («Утро в Баку»). С точки зрения поэтического синтаксиса, эти слова, на наш взгляд, корректнее рассматривать как «крючок», на который П. Антокольский словно насаживает интерес русскоязычного читателя, явно заинтригованного тем, сможет ли он в Баку доделать или переделать то, чего не смог на родине. Да, отрицательная частица «не» уже с самых первых строк стихотворения активно входит в ткань всего повествования, в целом, становясь

чуть ли не самым частотным его словесным элементом и, насквозь пронизывая пару строф (абзацев), воспринимается нами даже как речевая избыточность. Но это тот случай, когда синтаксическая алогичность обращается конкретной логикой в общем контексте. Вывод, думается, таков: конечно, автор успеет сделать в Баку то, что начал, ибо масса «неконченных дел» остаётся, как он подчёркивает, «страстными, замаранными в дыме и саже» и требует своего окончательного разрешения. Так что с позиций нелингвистических, а идейно-художественных, в бакинском цикле стихов П. Антокольский отчасти приподнял занавес над своими творческими планами. Он в новых творениях доскажет то, что «недовысказал», напишет о том, чего в Ленинграде в те годы недодумал и т.д. Это совершенно очевидно, и недаром в последнем по хронологии стихотворении «Баку» (1950) он с воодушевлением воскликнул:

Мне затем подарен этот город,
Чтобы я любил свою работу,
Чтобы шире распахнул свой ворот
И дышал до смерти горячо [3,129].

В начале XX века на базе двух наук – лингвистики и культурологии возникла новая дисциплина – лингвокультурология. Свой институциональный статус она получила благодаря слиянию языка и культуры как двух тесно взаимосвязанных элементов человеческого общежития, причём, рассматриваемых в исторической перспективе. Можно сказать и так: данная наука изучает основополагающие изменения в языке, обусловленные динамикой культурного развития, равно как и преобразования в структуре, непосредственно предопределённые языковой реализацией культурных смыслов.

Это отступление от центральной темы настоящей не случайно. Считаем уместным и целесообразным цели и задачи новейшей дисциплины частично приурочить к творчеству некоторых русских поэтов, открывших в своём творчестве «малую страницу» о Баку. В дополнительное обоснование такой связи укажем на следующий факт: в недавней (2010 год) монографии В.А. Масловой «Лингвокультурология» [4] однозначно говорится о том, что поэтический синтаксис является важнейшим объектом исследования этой науки, так как включает в себя всё многообразие характерологических признаков и формул. Подчёркнём примечательные особенности поэтического синтаксиса на примере «бакинского» периода творчества П. Антокольского. Но теперь уже под углом зрения основных поисковых работ специалистов в области лингвокультурологии.

Итак, имеем основание полагать: качественных признаков поэтического синтаксиса даже в объёме трёх стихотворений П.Антокольского так много, что их можно, по нашему мнению, расклассифицировать по группам:

1. Лингво-страноведческие:

Как назвать тебя, Город Огней,
Чтоб звучало точней и верней?
Как достойно и нежно назвать
Чтоб любому хотелось узнать,
А бакинец в далёком краю
Сразу молодость вспомнил свою... [2,124].

Мы привели первые строки стихотворения «Баку» 1937 года. Уже в них содержится такой важный компонент поэтического синтаксиса, как риторический вопрос. Причём, как представляется, это ещё и вопрос-подсказка, когда легко напрашивается ответ. Куда же ещё «точней и верней», если среди огромной массы российских ценителей поэзии мало кто знал, что столицу Азербайджана, так испокон веков и называли? Подсказка же состоит в том, что город Огней, в отличие от исконного и ставшего уже трафаретным «города ветров» или сугубо географического «седого Каспия» ассоциировался с добычей нефти. Так горели огни на вышках, и каждый бакинец, по меткому замечанию автора, находясь «в далёком краю», мог действительно вспомнить свою молодость. Кроме того, отмеченное также согласуется с основными положениями последователей древнего учения Агурамазды. Видимо, П. Антокольский в своё время знал и эти подробности лингво-страноведческого характера, так как в «Баку» 1937 года он написал:

Так сегодня рождается стих
В старом городе, в сердце Огня [2,125].

И спустя десять лет П. Антокольский завершит свою мысль:

Здесь поклонники Агурамазды
Жгли огонь на выщербленном камне [2,128].

Русский поэт в такой степени «сердцем и душой привязан» к нашему городу, что готов переплыть океан, лишь бы протянуть руку братскому народу. Надо полагать, что он не лукавит, произнося: «Океан – не Веллик и не Тих // Расстоянья – ничто для меня».

2. Исторические. Приятно удивляет, что на материале небольших по объёму стихотворных сочинений, словно спрессованная в веках, вкратце нашла своё художественное отображение история Баку и Азербайджана, в целом. Перед мысленным взором русского читателя, никогда не посещавшего столицу республики, встают крепостные стены-валы, «башни хазар и мечети османов» периода «мрачного Средневековья». Использован также каскад слов или выражений, живописующий пейзаж Баку и пригородов (солончаки, промысла, буровые вышки и т.д. «Утро в Баку»). А из «Баку» 1950-го года узнаёшь исторические факты такого содержания:

Здесь Тимур-хромец, на всё гораздый,
Ордами стоял у Волчьих Врат.

Здесь, на древней отмели Хвалыни,
Чёрное сокровище хранится [2,128].

3. Ментальность. Баку, конечно, знает немало примеров варварских нашествий и многочисленных случаев отпора врагу. Но история города – это не только войны, но и отражение менталитета нации, кстати, одного из центральных разделов лингвокультурологического анализа, занимающегося вопросами его отражения в западноевропейских и восточных государствах в составе теории поэтического синтаксиса. И выясняется, что вне зависимости от национальности, политических убеждений и религиозной принадлежности, каждый зарубежный гражданин, посещающий этот город – прежде всего гость, которому непременно окажут радушный приём:

Новые люди, чья почва и климат
Дышат полуденным мощным трудом,
Снова тебя, как товарища, примут
И пригласят в человеческий дом [2,127].

К тому же здесь «тоску-печаль» развеют народные певцы – ашуги. Кстати сказать, они не только являются частыми посетителями домов; менталитет азербайджанской нации, и это подчеркнул П. Антокольский, состоит в сохранении и приумножении традиций и обычаев петь в самых разных уголках Баку. Песни реально слышатся отовсюду, и автор, покидая наш «приветливый город», вспоминает, как «где-то за синью туманов // Ржанье коней и хрипенье зурны. И с грустью думается...

Как старается умный оркестр
Сердце ночи разбить пополам,
Как таристы зовут зурначей,
Как Меджнун закликает Лейли,
Как из песни, неведомо чьей,
Потянулись на юг журавли [2,125].

Да, действительно, прослушав песни ашугов-таристов и зурначей, гость из России за повтор готов отдать самое ценное, что у него имеется. Кроме того, слушатель понимает, что попадает на арену состязаний, что не входит в исконно русские традиции гармонистов или балалаечников:

Я видал, как состязались знатно
Дерзкие, весёлые ашуги:
Щёлкнет в горле старика занятно,
Топнет, гикнет, - яшасын, йолдаш!
Выгнется – и кругом, кругом, кругом
Режет сцену, бьёт по гулкой деке
Пятернёй – и вдруг ломает угол,
Кончил песню – всё ему отдашь! [2,128].

Такие встречи никогда не проходят для иноязычных гостей бесследно. И недаром в соответствии с ментальностью бакинцев они нередко завершаются праздничным застольем:

Праздничное голошенье собираиш
Проходило токами сквозь нас [2,129].

Тем самым в трёх стихотворениях «бакинского ЦИКла» П. Антокольскому удалось убедительно нарисовать картину «малого музея истории музыкальных инструментов», попутно рассказав о талантливых народных азербайджанских сказителях и исполнителях.

4. Технологические. Этот компонент поэтического синтаксиса в лингвокультурологии трактуется как введение в сюжетную канву стихотворений или поэм новых слов и выражений в связи с возникновением соответствующего технологического процесса. Так, пересмотрев и проанализировав практически всю русскую поэзию первой половины XX века, посвящённую Баку, мы не обнаружили ни единого случая употребления лексем, характеризующих электрические фонари, бульварную иллюминацию или новейшую технологию добычи нефти по сравнению с традиционными и устаревшими способами. Между тем П. Антокольский замечает:

Ветер с моря ударил в глаза
И глаза мне туманит слеза.
Сколько юных и смуглых существ
В озаренье стовольтовых ламп! [2, 124-125].

Нет соответствующего технологического обеспечения – не существует и необходимой лексемы. Таким образом, отдельные элементы поэтического синтаксиса П.Антокольского знакомят нас с историей Баку, менталитетом нации, искусством и некоторыми технологическими процессами с конца 1930 и до 1950-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко М. Мост. Сборник стихотворений. Баку: Азгосиздат. 1930, 87 с.
2. Антокольский П.Г. Избранное в 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1966, 522 с.
3. Антокольский П.Г. Десять лет. М.: ГИХЛ, 1953, 323 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. Издание 4-ое. М.: Академия, 2010, 208 с.

XX ƏSRİN İKİNCİ RÜBÜNÜN RUS ŞAİRLƏRİNİN ŞEİRLƏRİNDƏ BAKININ İDEALLAŞDIRILMASI

R.H.BAĞIROV

XÜLASƏ

Rus poeziyasının tanınmış simalarından olan P.Antokolski və M.Vasilenkonun Bakıya həsr etdikləri şeirlərini araşdıran müəllif onlarda şəhərin ideallaşdırma faktlarını üzə çıxardır. Bu ideallaşdırma həmin şairlərin Bakıya olan dərin məhəbbətinin əksi kimi qələmə alınır.

Açar sözləri: poeziya, Bakı, şəhər mövzusu, ədəbi əlaqələr, ideallaşdırma

IDEALIZATION OF BAKU IN RUSSIAN POETS' POEMS AT THE SECOND QUARTER OF THE XX CENTURY

R.H.BAGIROV

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of P.G.Antokolski's and M.Vasilenko's poems dedicated to Baku. The author investigates the facts of idealization of the city in their poetry. The idealization shows the deep love of these outstanding Russian poets to Baku.

Key words: poetry, Baku, city theme, literary links, idealization